

оригинальная статья

Трудное счастье героев М. Ю. Лермонтова (погоня за счастьем истинно несчастного человека)

Рудакова Светлана Викторовна
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова, Россия, г. Магнитогорск
<https://orcid.org/0000-0001-8378-061X>
rudakovamasu@mail.ru

Петров Алексей Владимирович
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г. И. Носова, Россия, г. Магнитогорск
<https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>

Поступила в редакцию 11.01.2022. Принята после рецензирования 01.02.2022. Принята в печать 07.02.2022.

Аннотация: Актуальность работы определяется обращением к проблеме счастья, активно обсуждаемой в современной науке в различных ее отраслях. Основное внимание сосредоточено на выявлении особенностей в трактовке феномена счастья в творчестве М. Ю. Лермонтова. Для объективности исследования были использованы статистические данные Национального корпуса русского языка (выбран подкорпус художественных произведений М. Ю. Лермонтова), проанализирована частотность использования лексем *счастье(ие)*, *несчастье(ие)*, *счастливы́й*, *блаженство*. На основе системного и феноменологического подходов, а также герменевтического, аналитического, статистического и метода интерпретации выявлены особенности понимания счастья в художественном мире М. Ю. Лермонтова, рассмотрена парадоксальность представлений о счастье его героев. Для большинства из них вопрос о счастье определяет поиски смысла жизни, своего предназначения. Одни герои убеждены, что счастье на земле возможно, и в некоторых произведениях, например в «Ашик-Кериб», даже представлена история полноты и многогранности его обретения. Другие герои сомневаются в том, что счастья можно достичь, их опыт формирует иное убеждение: человек – существо несчастное. Но при этом все они могут быть охарактеризованы как находящиеся в поиске этого идеала, в связи с чем в работе рассмотрены сферы и условия, с которыми связывают счастье герои М. Ю. Лермонтова. Центральный объект внимания в статье – Печорин, главный герой романа «Герой нашего времени», ставший своего рода генерализацией всех размышлений о странных людях, рассмотрены его представления о счастье и несчастье.

Ключевые слова: феномен счастья, творчество Лермонтова, странные люди, счастье, несчастье, блаженство, страдание, Печорин

Цитирование: Рудакова С. В., Петров А. В. Трудное счастье героев М. Ю. Лермонтова (погоня за счастьем истинно несчастного человека). Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24. № 1. С. 73–82. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-73-82>

original article

Difficult Happiness of Mikhail Lermontov's Heroes: The Pursuit of Happiness by a Truly Unhappy Man

Svetlana V. Rudakova
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
Magnitogorsk
<https://orcid.org/0000-0001-8378-061X>
rudakovamasu@mail.ru

Aleksej V. Petrov
Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia,
Magnitogorsk
<https://orcid.org/0000-0002-3664-4487>

Received 11 Jan 2022. Accepted after peer review 1 Feb 2022. Accepted for publication 7 Feb 2022.

Abstract: The concept of happiness is actively discussed in various areas of modern science. The present article features the phenomenon of happiness in M. Lermontov's fiction. The statistical data were obtained from the national corpus of the Russian language. The subcorpus of Lermontov's fiction was analyzed for such lexemes as *happiness*, *misery*, *happy*, and *bliss*. The authors used systemic and phenomenological approaches, as well as hermeneutic, analytical, statistical, and interpretive methods, to reveal the peculiarities of happiness in Lermontov's artistic world and to examine the paradoxical nature of the characters' ideas of happiness. For most personages, happiness determines the search for the meaning of life and destiny. Some characters believe that happiness is possible in this life. For example, *Ashik-Kerib* is a story of finding a multifaceted kind of true happiness. Other personages believe that happiness cannot be achieved and that man is a fundamentally miserable creature. However, all

Lermontov's characters keep looking for happiness. The article introduces the spheres and conditions that Lermontov's heroes associate with happiness. It focuses on Pechyorin from *The Hero of Our Time*, his ideas about weird people, happiness, and misery.

Keywords: phenomenon of happiness, Lermontov's work, weird people, happiness, misery, bliss, suffering, Pechyorin

Citation: Rudakova S. V., Petrov A. V. Difficult Happiness of Mikhail Lermontov's Heroes: The Pursuit of Happiness by a Truly Unhappy Man. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(1): 73–82. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-1-73-82>

Введение

Вопрос о счастье в современной литературе и науке оказывается одним из активно обсуждаемых. Он рассматривается с позиций филологии [1–13], философии [14–16], психологии [17–18], анализируется в кросс-культурных [19–20] и даже экономических исследованиях¹. Как верно отмечает С. Г. Воркачев, «Отношение к счастью входит в число определяющих характеристик духовной сущности человека, представления о нем образуют древнейший пласт мировоззрения, а понятие счастья... покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» [3, с. 54].

В творчестве М. Ю. Лермонтова проблема счастья не является главной, но однозначно относится к числу важных, большинство героев писателя задумываются о вопросах счастья, а некоторые из них подчиняют свою жизнь именно поиску этого идеала. Счастье, точнее особенности его восприятия, становятся в мире М. Ю. Лермонтов своего рода призмой, высвечивающей особенности отношения героев к себе, к другим, к миру, к жизни. Чтобы говорить о феномене счастья, его воплощении на страницах лермонтовских произведений, стоит разобраться в особенностях героев этого автора, в специфике их мировосприятия и мироощущения, в особенностях их отношений с людьми, с миром, с собой, чтобы понять, какое место в их жизни и в системе их ценностей будет занимать счастье.

Парадоксальность художественного мироощущения М. Ю. Лермонтова, отмечаемая многими исследователями [21, с. 31–37, 44–50; с. 22, 203–210; 23], проявляется и в его отношении к счастью. Б. М. Эйхенбаум, размышляя о сложности позиции Лермонтова, отмечал, в частности, что проблемы «добра и зла, ангела и демона, рая и ада составляют идейный и языковой центр юношеских произведений» [24, с. 56] этого автора.

Методы

В методологические принципы данной работы входят системный и феноменологический подходы. Использовались также герменевтический, статистический, аналитический методы и методы интерпретации. Источником литературного

материала стал Национальный корпус русского языка (НКРЯ)² и тексты М. Ю. Лермонтова из его полного собрания сочинений³. В НКРЯ в подкорпусе художественных произведений М. Ю. Лермонтова выявлено 12 документов, содержащих 147214 слов, а поиск лексемы *счастье* в корпусе художественных произведений М. Ю. Лермонтова дает 5 документов и 38 вхождений (13 из которых – из романа «Герой нашего времени»), лексемы *счастье* соответственно – 6 документов и 34 вхождения (11 – из романа «Герой нашего времени»), лексемы *счастливый* – 9 документов и 83 вхождения (14 – из романа «Герой нашего времени»).

Представления о счастье героев

М. Ю. Лермонтова

Воспринимая и в чем-то следуя за сложившимися в русской и европейской литературе традициями в трактовке счастья, М. Ю. Лермонтов предлагает и свой особенный взгляд на этот феномен. Вслед за русскими просветителями он связывает поиски счастья прежде всего с земной жизнью человека. Но ответ о возможности его обретения в обычной человеческой жизни оказывается для писателя совсем неоднозначным. В его творчестве обнаруживаются произведения, в которых отражены прямо противоположные концепции счастья.

В повести «Ашик-Кериб» (1837) представлена картина гармоничной счастливой земной жизни человека. Обратившись к восточному фольклору, М. Ю. Лермонтов создал сказку, в которой представил различные грани счастья, убедив читателя в его достижимости; финал рассказанной им истории, в отличие от большинства иных его произведений, счастливый. В начале этой турецкой сказки счастливыми определяются именно богатые люди. Главный же герой – молодой человек, которому пророк не дал... ничего, кроме высокого сердца – и дара песен (V, с. 177). Несмотря на бедность, этот герой ощущает себя счастливым человеком, ведь у него есть призвание, пение Ашик-Керибом воспринимается как достойное занятие, что может не только скрасить существование, но и придать жизни определенный смысл.

¹ Всемирный индекс счастья по версии New Economic Foundation. Режим доступа: <https://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info> (дата обращения: 05.05.2021).

² НКРЯ. Режим доступа: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 01.11.2021).

³ Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. В 5 т., ред. текста, коммент. и предисл. Б. М. Эйхенбаума; подгот. текстов Б. М. Эйхенбаума и К. И. Халабаева. М.; Л.: Academia, 1935–1937. Далее по тексту цитаты оформлены в круглых скобках с указанием тома и страницы.

Судьба Ашик-Кериба и его возлюбленной Магуль-Мегери показывает, в чем может проявляться человеческое земное счастье. Во-первых, в истинном призвании (это талант от Бога), которое осознал, которому служит человек и которое дарует ему удовольствие и удовлетворенность от жизни. Во-вторых, в признании его таланта окружающими, что выражается не только в восторженной оценке деятельности, но и в материальной награде, что делает человека и духовно, и материально богатым. В-третьих, в истинной любви, что творит чудеса, не знает ни временных, ни пространственных границ. В изображении этого чувства соединяются верность, готовность проходить испытания и жертвовать собой ради любимого человека, и такая любовь вознаграждается высшими силами. Есть в этом произведении и выявление гендерных различий в отношении к счастью. Для мужчины счастье – прежде всего в самореализации, в обретении возможности служить высокому, находя в этом свое предназначение. Потому Ашик-Кериб, в какой-то момент увлекшись своим пением (которое помогало ему реализовать мечту стать богатым, чтобы обеспечить всем необходимым свою возлюбленную и финансово не зависеть от ее отца), позабыл о любимой Магуль-Мегери; только лишь ее напоминание об их чувствах заставило его выйти из мира своей музыки и устремиться к ней, получив в дороге помощь высших сил. Для Магуль-Мегери смыслом жизни и подлинным счастьем была именно любовь, ради ее сохранения героиня готова была пожертвовать даже своей жизнью.

Лермонтовская сказка – это произведение о многогранном счастье человека: счастье в искусстве, в любви, в семье, в возможности служить своему призванию, идущему от бога, в мире, где творчество способно творить чудеса.

Однако есть у М. Ю. Лермонтова произведение, в котором выражен прямо противоположный взгляд на счастье, правда, главным героем его оказывается не человек, а падший ангел, печальный Демон, дух изгнания (III, с. 455), усомнившийся в гармонии созданного Богом мира. Счастье для этого героя мыслится не в настоящем, а в прошлом, связано оно с днями блаженства (III, с. 474), когда он пребывал в раю и был тем, кого именovali как счастливый первенец творенья (III, с. 455). Для него земная жизнь – это мир, где нет ни истинного счастья, / ни долговечной красоты, / Где преступленья лишь да казни, / Где страсти мелкой только жить; / Где не умеют без боязни / Ни ненавидеть, ни любить (III, с. 479). Но встреча с Тамарой и любовь к ней возвращают мечты о прежнем счастье, через любовь в Тамаре герой жаждет возродиться, вновь обрести гармонию с собой и миром и снова стать счастливым: Хочу я с небом примириться, / Хочу любить, хочу молиться, / Хочу я веровать добру (III, с. 479). Но, увы, решив через любовь к Тамаре вернуть и радость жизни, и счастье, и гармонию, Демон оказывается в состоянии беспросветного разочарования и глубокого вечного отчаяния. Он утрачивает даже мечты на иную жизнь, когда не удается достичь желаемой цели.

Вопрос о счастье для большинства героев М. Ю. Лермонтова не праздный. Именно он определяет поиски ими смысла жизни, своего места в мире. Для одних героев лермонтовских произведений свойственно убеждение, что человек в своей земной жизни может и должен обрести счастье: *есть бог на небесах, – есть на земле счастье* (V, с. 38). Другие склонны в это не верить: человек, *несчастное, брошенное создание... он сотворен слабым; его доводит судьба до крайности... и сама его наказывает; животные бессловесные счастливей нас: они не различают ни добра, ни зла; они не имеют вечности* (IV, с. 178). Есть и герои, уверенные, что бог создал нас [людей] *несчастливыми* (V, с. 23).

М. Ю. Лермонтов создает произведения, в которых герои, размышляя о земном счастье человека и выделяя его высшую форму проявления – блаженство, связывают его исключительно с одной сферой жизни – любовью. Именно она воспринимается как тот божий дар, что может сделать человека подлинно счастливым, позволив постигнуть на земле божественное счастье. Об этом размышляют Белинской, герой «Странного человека»: *В своем сердце. У тебя есть великой источник блаженства, умею только почерпнуть из него* (IV, с. 188); Дева, героиня «Азраила» (1831): *О, я тебя люблю, люблю больше блаженства* (III, с. 142); Вадим, герой одноименного романа: *видеть тебя есть блаженство* (V, с. 26); Юрий, герой романа «Вадим»: *каждое слово было целое блаженство. – Я любим, любим, любим* (V, с. 38); о блаженстве любви размышляют в романе «Герой нашего времени» Печорин и Вера.

Однако в художественном мире М. Ю. Лермонтова любовь воспринимается героями двойственно: с одной стороны, она дарует блаженство, но с другой – становится причиной самых мучительных страданий: *Небо или ад мне послало это блаженство* (IV, с. 162). А порой, когда речь идет о любви, для героев М. Ю. Лермонтова блаженство и страдание неотделимы друг от друга: *ты не любишь, ты не понимаешь ненависти: ты не получил от благих небес этой чудной способности: находить блаженство в самых диких страданиях* (V, с. 60); *сердце, обещанное мукам и созданное для райского блаженства* (V, с. 31).

Размышляя об условиях и сферах, которые так или иначе связаны с земным счастьем, М. Ю. Лермонтов выделяет такое проявление жизни, важнейшее для любого романтика, как свобода. Так, сливаются на какой-то момент воедино свобода и счастье – правда, в мире воображаемом – для главного героя романа «Вадим»: *он уносился мыслию в вечность, – ему снилось наяву давно желанное блаженство: свобода; он был дух, отчужденный от всего живущего, дух всемогущий* (V, с. 21), *блаженство волюности* определяет выбор и судьбу главного героя поэмы «Мцыри» (1840).

Традиционные для большинства современников М. Ю. Лермонтова представления о богатстве как важнейшем условии счастья не игнорируются, но и не берутся в расчет главными героями М. Ю. Лермонтова. Подобное, например, обнаруживается в разговоре Лизаветы Николаевны

и Печорина, героев повести «Княгиня Лиговская» (1836–1837): – Разве вы не заметили, сколько на ней **бриллиантов**. – **Богатство не есть счастье!**.. – Всё-таки оно ближе к нему, нежели бедность (V, с. 171). Подобно думающим, страдающим и мечтающим героям, которые о материальных вопросах, если и задумываются, то не делают их центральными, вопрос о богатстве, скорее противопоставленный счастью, чем с ним связанный, затрагивают и героини, как это делает, например, княгиня Лиговская в романе «Герой нашего времени»: *Послушайте: вы, может быть, думаете, что я ищу чинов, огромного богатства, – разувь-тесь! я хочу только счастья дочери* (V, с. 310). Но при этом эпизодические герои от традиционных установок, что богатство делает человека счастливым, не отказываются. Подобные мысли, например, приходят в голову Ольге, героине романа «Вадим»: *если б и на мне блистали кружева и дорогие камни... о, я была бы счастливей!* (V, с. 31).

Упоминается героями М. Ю. Лермонтова предположение, что *дружба есть ключ истинного счастья* (V, с. 158), правда, не из личного опыта берется эта мысль, а соотносится с системой доказательств некоего безымянного сочинителя.

Счастье уже в ранних произведениях М. Ю. Лермонтова осмысливается героями как состояние, если даже и достижимое, все равно крайне неустойчивое, прихотливое, зависящее от многих фактов, в меньшей степени от воли и желания человека. Об этом размышляет Юрий (герой драмы «Menschen und Leidenschaften» («Люди и страсти»)): *Как знать, что будет завтра?.. может быть, я буду счастлив, может быть, я буду лежать на столе* (IV, с. 165). К подобному выводу приходит и Вадим (герой романа «Вадим»): *и то сказать: каждому свой черед; счастье – женщина: коли полюбит вдруг сначала, так разлюбит под конец* (V, с. 70).

Задумываются герои над тем, как связано счастье и наука, можно ли его изучить. И здесь уже ответ скорее однозначный: *ни здания, ни просвещение, ни старина не имеют влияния на счастье и веселость* (V, с. 147). Печорин, герой повести «Княгиня Лиговская», обнаружив и полистав книгу «Легчайший способ быть всегда богатым и счастливым», высказывает свое печальное итоговое суждение: *никакая книга не может выучить быть счастливым. О, если б счастье было наука! дело другое!* (V, с. 156). В романе «Герой нашего времени» Печорин, продолжая размышления в этом направлении, делает более масштабное обобщение: *стал читать, учиться – науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько* (V, с. 213).

Задумываясь о счастье, о том, кто может его достичь, герои М. Ю. Лермонтова приходят к парадоксальным выводам, что счастье легче достичь тем, кто чужд рефлексии, высоких порывов. Так, в процессе раздумий о тяготах и страданиях жизни, Юрий, герой драмы «Люди и страсти», высказывает странную мысль: *Счастлив умерший в такое время, когда ему нечего забывать: он не знает этих свинцовых минут безвестности...* (IV, с. 179). Не менее поразительным

отказывается высказывание героини романтической драмы «Станный человек»: *По мне так сумасшедшие очень счастливы: ни об чем не заботятся, не думают, не грустят, ничего не желают, не боятся* (IV, с. 244–245). Еще более удивительным оказывается суждение о счастье Ольги, героини романа «Вадим»: *пустыня будет нашим отечеством, Юрий, – а лесные птицы нашими наставниками: посмотри, как они счастливы в своих открытых, тесных гнездах...* (V, с. 85). Но самым парадоксальным и одновременно созвучным со сложившейся в русской литературе традицией (можно вспомнить размышления Е. А. Боратынского о счастливицах) будет высказывание Печорина: *самые счастливые люди – невежды, а слава – удача, и чтоб добиться её, надо только быть ловким* (V, с. 213).

Станные герои М. Ю. Лермонтова

Для многих произведений М. Ю. Лермонтова характерно то, что в центре их изображения оказывается герой, который не вписывается в тот мир, в котором живет. Подобное мы видим в драме «Люди и страсти» (1830) – это герой Юрий, в драме «Станный герой человек» (1831) – Владимир Арбенин, в драме «Маскарад» (1835) – Евгений Арбенин, в драме «Два брата» (1836) – Александр, в романе «Вадим» (1834) – Вадим, в повести «Княгиня Лиговская» (1836) и в романе «Герой нашего времени» (1839–1841) – Печорин, в повести «Штосс» (1841) – Лугин.

Для каждого из названных героев свойственен ряд общих качеств, сближающих их: аналитизм мышления, тонкость и точность наблюдений, ощущение непреодолимого одиночества. Все герои этого типа – психологи, знатоки человеческих душ, их отличают многочисленные дарования, которые оказываются нереализованными. Один из важных вопросов, с которым сталкивается каждый из героев М. Ю. Лермонтова, – это вопрос о счастье, в чем оно, как можно его обрести, от чего и кого оно зависит – от отдельного человека, от общества, от мира прошлого, настоящего – или связано с будущим. Своего рода генерализацией всех размышлений о странных людях оказывается образ центрального героя не только романа «Герой нашего времени», но и всего творчества М. Ю. Лермонтова – Печорина.

В странных героях М. Ю. Лермонтова с юности формируется неверие в людей, это приводит к тому, что о людях они судят по тому, что знают о них и о себе, это становится причиной еще большего расхождения между ними. Обнаруживается парадокс – они не верят в людей, в их способность любить, но при этом жаждут любви, надеясь обрести ее в этом мире, а через нее познать смысл жизни, найти счастье. Однако любовь этими героями рассматривается исключительно как акт обладания кем-то, его миром, его чувствами, его мечтами. Яркий пример тому – Печорин.

Главный герой романа «Герой нашего времени» своею судьбой и характером задает вектор в развитии классической литературы: с одной стороны, появляется целый ряд произведений, где будет представлен откровенный

или иронически списанный с Печорина образ, представляющий иногда пародию на лермонтовского героя, подобное мы обнаруживаем, например, в романах «Тамарин» (1849–1851) М. В. Авдеева и «Асмодей нашего времени» (1858) В. И. Асоченского. С другой стороны, для многих писателей и сам роман «Герой нашего времени», и главный его герой стали предметом глубоких раздумий, определив поиски художественных идей, образов и новых принципов создания героя, ищущего, потерянного, исключительного, ставящего экзистенциальные эксперименты над собой, над другими, над жизнью и терпящего крах в своих исканиях. Это герои И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого.

Внутренний конфликт героев М. Ю. Лермонтова, их обреченность на несчастье, прежде всего это касается Печорина, обусловлены не их духовным бессилием или мелочностью натуры, нет, в первую очередь, это определяется тем, что в них избыток этой самой духовной силы, которая не находит себе выход: на это обратил внимание В. Г. Белинский (который отметил в своей работе, что в творчестве М. Ю. Лермонтова отразились «все силы, все элементы, из которых складывается жизнь и поэзия. В этой глубокой натуре, в этом мощном духе всё живет; ему всё доступно, всё понятно; он на всё откликается», а это и есть «совершенная истина жизни» [23, с. 545]), а в последующем Д. С. Мережковский [25] и символисты [26–27].

Герои М. Ю. Лермонтова ставят себя выше всех, даже с судьбой они готовы вступить в поединок, доказывая себе и всей вселенной, что они сильнее. Однако этот поединок для многих, включая самого Печорина, оборачивается трагедией. Не сразу и не очевидно герой в этом противостоянии проигрывает судьбе, теряя одно за другим уверенность в себе, надежду на обретение смысла жизни, надежду на счастье.

Печорин. Герой нашего времени

Один из важнейших принципов, организующих роман «Герой нашего времени», – это антитеза. Печорин встраивается в целую систему оппозиционных пар. В «Бэле» мы видим Печорина, противопоставленного Максиму Максимычу, Бэле, Азамату, в «Максими Максимыче» – Максиму Максимычу, автору-рассказчику, в «Тамани» – контрабандистам, ундине, слепому мальчику, в «Княжне Мери» – Грушницкому, княжне Мери, Вернеру, всему кавказскому водяному обществу, в «Фаталисте» – Вуличу, пьяному казаку, современникам, предкам, потомкам. Смысл этих оппозиций – вывести читателей к пониманию парадоксальности образа Печорина, а через это – к осознанию трагедии интеллектуально и духовно одаренной рефлексирующей личности. М. Ю. Лермонтов показывает на примере Печорина, что такой человек, ощущающий свою исключительность, непохожесть на других, оказывается в состоянии одиночества, рядом с ним нет никого, кто был бы ему близок; он исключительно ДРУГОЙ.

Но человек – существо социальное. Именно общество формирует его как личность. Человек становится тем, кто он есть, только во взаимодействии с другими людьми. В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, размышляя о социальной основе жизни, отмечают, что человек по своей природе определяет бытие других людей, т. е. в самом его существовании заложены потребность трансцендировать себя [28, с. 171], стремление быть с другими, оставаясь собой. Общество как таковое существует, т. к. существует каждый из нас, общество есть, т. к. для каждого из нас значима ориентация на другого. Поэтому сама проблема общности (проблема личности и общества) оказывается в ряду экзистенциальных вопросов, безусловно, связанных с личностно-смысловыми проблемами.

На вопрос, как можно преодолеть или ослабить напряжение в конфликте личности и других, мировая история культуры дает несколько вариантов ответа. Это формирование связи с другими, установление некоей духовной эмоциональной общности, что может быть связано с созданием семейных отношений, обретением друзей, обретением любви, установлением прочных социальных контактов, основанных на каком-то общем интересе. А. Б. Есин, размышляя о специфике психологизма в культуре и литературе, приходит к пониманию того факта, что формирование картины мира и определение в ней места человека – это насущная потребность любой культуры, независимо от того, на кого она ориентирована – на отдельную личность или на общественную группу [29]. А потому и система представлений о человеке, о смысле жизни, о счастье и т. д. – это фундамент системы представлений о мироустройстве, назначение которой – упорядочить знания о мире, подчинив их определенным законам и закономерностям. Когда мы ведем речь об обобщенной системе взглядов – на человека, общество, мир, то следует учитывать, что формируется она как раз из системы противопоставлений Я (личности) и всего другого и других.

Печорину, если его рассматривать с позиции психологической антропологии, так и не удалось обрести близкие эмоциональные связи в семье, о чем говорит полное отсутствие информации об этой составляющей жизни данного героя. У него так и не появилось друзей: их не было ни в прошлом, их нет и в настоящем – все попытки окружающих завести с героем отношения, которые могли перейти в разряд дружеских (можно вспомнить историю с Максимом Максимычем, Грушницким, Вернером), так ни к чему и не привели. Дружба для Печорина так и осталась в разряде отношений, определяемых им как рабство одного и господство другого: *из двух друзей всегда один раб другого, хотя часто ни один из них в этом себе не признается; – рабом я быть не могу, а повелевать в этом случае – труд утомительный, потому что надо вместе с этим и обманывать; да притом у меня есть лакеи и деньги* (V, с. 248). В любви Печорин, как показывает его история, отраженная в романе, также не смог обрести по-настоящему

глубоких эмоциональных отношений, сближающих его с другими; он привык обладать; как и другие странные герои М. Ю. Лермонтова, он стремится к доминированию, господству над влюбленной в него девушкой: *я никогда не делался рабом любимой женщины; напротив, я всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь* (V, с. 257).

Другой, даже если это женщина, для Печорина – прежде всего враг. Потому Печорин ставит перед собой цель узнать всё о том, кто перед ним, с кем он имеет дело, чтобы быть во всеоружии, знать все слабые и сильные стороны своего визави. Об этом свидетельствует признание самого Печорина: *Женщины должны бы желать, чтоб все мужчины их так же хорошо знали, как я, потому что я люблю их во сто раз больше с тех пор, как их не боюсь и постиг их мелкие слабости* (V, с. 284).

Для Печорина любое взаимодействие с другим – это своеобразный поединок, и речь идет о победе или поражении, и себя Печорин, конечно же, жаждет видеть только победителем. Потому с некоторым досадным раздражением он вспоминает: *один раз, один только раз я любил женщину с твердою волей, которую никогда не мог победить... Мы расстались врагами, – и то, может быть, если б я ее встретил пятью годами позже, мы расстались бы иначе...* (V, с. 257–258). Обращает на себя внимание тот факт, что, даже предполагая иной вариант развития своих отношений с этой женщиной, ничего, кроме расставания, Печорин не мыслит.

Почему же любовь, для многих представляемая как состояние, ведущее человека к счастью, у Печорина оборачивается совершенно иным? Объяснение этому мы находим в словах и поступках героя, мы узнаем, что любовь для Печорина – прежде всего обладание другим, господство над его чувствами, над его волей. Вот его собственное признание: *Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил: я любил для себя, для собственного удовольствия; я только удовлетворял странную потребность сердца, с жадностью поглощая их чувства, их нежность, их радости и страдания – и никогда не мог насытиться. Так, томимый голодом в изнеможении засыпает и видит перед собою роскошные кушанья и шипучие вина; он пожирает с восторгом воздушные дары воображения, и ему кажется легче; но только проснулся – мечта исчезает... остается удвоенный голод и отчаяние!* (V, с. 296).

Сам Печорин, подобно другим героям М. Ю. Лермонтова, вспоминает о времени, когда любовь была для него важна, когда жаждал он любить и в этом видел свое счастье, он рассказывает о юности, о том периоде жизни душевной, когда ищут только **счастья**, когда сердце чувствует необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь (V, с. 257). Но все это, проигнорированное и отвергнутое миром, было забыто и самим героем, он научился завоевывать, но разучился любить, и счастье, к которому он так стремился, стало для него еще более недостижимым.

В Печорине была глубина, его отличал сложный духовный мир, ему был свойственен необыкновенный магнетизм, что определяет то женское внимание, что было к нему приковано. Его натуру лучше всего поняла Вера, о чем и написала в своем прощальном письме к герою: *Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно; ничей взор не обещает столько блаженства; никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном* (V, с. 306–307).

Вера характеризует то свойство натуры Печорина, о котором он сам много размышляет, это странная настроенность именно на несчастье, какая-то паталогическая неспособность стать счастливым. Так, в одном из первых разговоров с Вернером Печорин признается в одном своем убеждении, что он в один прегадкий вечер имел несчастье родиться (V, с. 248), а позже в своем дневнике Печорин оставит такую запись: *у меня несчастный характер: воспитание ли меня сделало таким, бог ли так меня создал, не знаю, знаю только, что если я причиной несчастья других, то и сам не менее несчастлив* (V, с. 212).

Печорин, получив письмо Веры, вдруг осознает, как значима для него эта женщина. Позже в своем дневнике он так описывает свое состояние: *При возможности потерять ее навеки Вера стала для меня дороже всего на свете, – дороже жизни, чести, счастья* (V, с. 308). Печорин вдруг понимает, что она (Вера) и есть его счастье. И сцена бешеной скачки – это изображение героя «в последней попытке догнать ускользающее счастье с единственной для него возлюбленной» [7, с. 102]. Счастье, такое близкое, вновь оказывается недостижимым. Смерть коня – случайность, но она странно вписывается в общую закономерность, связанную с жизнью Печорина, где все вело героя не к счастью, а к его противоположности.

Для Печорина, как показывает его история, важны удовольствия, но совсем не так, как для героя-эпикурейца, описанного, например, в лирике К. Н. Батюшкова, наслаждающегося жизнью и обретающего через них (удовольствия) возможность быть счастливым [9, с. 152–156]. Для Печорина поиск удовольствий, наслаждений – это своего рода бегство от одиночества, способ заполнить эмоциональную пустоту.

В процессе противостояния светскому обществу герой переживает кардинальное изменение себя и образа своей жизни, вследствие чего меняется вектор его устремлений и шкала ценностей: *В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели.*

Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также **надоело**; влюблялся в светских красавиц, и был любим, – но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось **пусто** (V, с. 212–213). Герой, отвергая общество с его равнодушием, духовной фальшью, иерархичностью, демонстрацией превосходства одних над другими, решает выбрать свой путь, но не замечает того, что, презируя петербургский светский мир и всё, с ним связанное, он на каком-то этапе жизни стал походить на людей из этого самого общества. Отвергая то, что не соответствовало его представлениям о человеке и жизни, Печорин так и не смог понять, что же значимо для него самого, так и не нашел свое место в мире, так и не понял своего предназначения, не смог реализовать свой потенциал. В этом и сила его, и слабость. Он не хочет быть как все, он не хочет подчиняться большинству, но под влиянием общества, им не принимаемого, он делает все возможное, чтобы ему подчинялись, выполняя его волю.

Не обретя истинного счастья, он стал искать его замену, чтобы заглушить неистребимую потребность ощутить удовлетворенность жизнью, блаженство бытия. Не способный изменить мир, т. к. даже не знает, как это сделать, Печорин не может оставаться в стороне, проявляя бездействие, потому ввергается сам и ввергает других в водоворот событий, не думая о чьих-либо желаниях, кроме своих. Сомнения, рефлексирование, сожаления – все это приходит уже после, когда что-либо изменить невозможно, когда судьбы тех людей, в жизнь которых он вмешался, уже разрушены. В своих дневниках Печорин признается: *Я чувствую в себе эту ненасытную жадность, поглощающую всё, что встречается на пути: я смотрю на страдания и радости других только в отношении к себе, как на пищу, поддерживающую мои душевные силы* (V, с. 270). Неудовлетворенная жажда счастья, искаженное под воздействием светского общества восприятие мира, неспособность реализовать себя в мире политических запретов (формирование личности Печорина приходится на реакционное последекабрьское время), непомерное эго героя приводят к деформации духовных потребностей. Удовольствия он получает не от земных наслаждений, а от страданий других, источником которых выступает сам, в чем отдает себе отчет: *первое страдание дает понятие о удовольствии мучить другого* (V, с. 271).

Печорина можно сравнить с киевским героем (см. подробнее [30–33]), так об этом размышляет Т. Б. Зайцева: «Образ жизни и отношение к любви, дружбе, страстям, рассудку, смерти, времени, вечности, религии, наконец, к самому себе действительно роднят кирегайского эстетика с лермонтовским Печориным» [30, с. 137]. Обращает на себя внимание «экзистенциальное отчаяние, переживаемое Печориным», именно оно во многом «ставит его выше толпы, выше обывателя (но не выше общечеловеческого)» [30, с. 138].

Радость земных удовольствий подменяется жадной превосходя над всеми и всем, стремлением все подчинить

своей воле, не подчиняясь никому и ничему. Парадокс произошедшего с героем в какой-то мере осознается им самим, о чем свидетельствует его признание: *А что такое счастье?*

Насыщенная гордость. Если б я почитал себя лучше, **могущественнее** всех на свете, я был бы **счастлив** (V, с. 271). Хотя сам герой понимает, что зло порождает зло (V, с. 271), до конца разобраться в себе, в причинах своего **демонизма** не может. По существу, мы видим, что зло Печорина – это зеркальное отражение зла социального мира, который породил героя и в котором он сформировался. Герой своими мыслями и действиями резонирует с происходящим в обществе; отвергая на одном уровне, он реализовал на другом уровне идущие от светского мира ценностные установки. И в этом тоже одна из причин трагедии героя.

Значимыми в романе «Герой нашего времени» в дневнике Печорина оказываются и вводные конструкции *к счастью(ию)* и *к несчастью(ию)*. Вошедшие в русскую литературу в эпоху Просвещения, они, как отмечает Т. Е. Абрамзон, представляют собой бинарную оппозицию, что «приходит на смену мифологическим моделям "правда / кривда", "добро / зло" и религиозной модели "от Бога" / "от лукавого"» [2, с. 324]. В лермонтовском романе подобные выражения коррелируют с аксиологической системой героев, передавая их интуитивное ощущение и переживание момента, соотносясь с их картиной мира и представлениями о счастье. Так, потеря самого важного в жизни Казбича (кража его коня) описывается и через введение этого оборота: *Казбич вздрогнул, переменялся в лице – и к окну; но окно, к несчастью, выходило на задворье. – Что с тобой? – спросил я. – Моя лошадь!.. лошадь!.. – сказал он, весь дрожа* (V, с. 199). Бытовой характер употребления оборота – обусловленный деталями бытового характера – оказывается связан с бытийным, утратой того, что было основой основ мира героя.

Ироничная оценка собственного дарования со стороны странствующего офицера проявляется в его оговорке: *Большая часть из них [путевых заметок], к счастью для вас, потеряна* (V, с. 186).

Формула *к счастью*, использованная в рассказе странствующего офицера о встрече с Печориным, дает возможность уловить отношение рассказчика к ситуации и его явную симпатию и сочувствие к Максиму Максимычу, понимание того, что для этого героя встреча с товарищем будет очень значима: **К счастью**, Печорин был погружен в задумчивость, глядя на синие зубы Кавказа, и кажется, вовсе не торопился в дорогу (V, с. 225).

В разговоре Печорина и княжны Мери использованный оборот *к счастью* оказывается парадоксально связан как со светлым, так и с темным миром в визуальном и аксиологическом планах. Наступление темноты на некоторое время оберегает чувства юной княжны, она не замечает, что на ее порыв – признание в чувствах – не следуют ни потрясение, ни восторг со стороны героя, мы же, благодаря оговорке героя, видим его усмешку, понимаем,

что он осознает: очередная победа над женским сердцем достигнута, княжне же будто судьба, высшие силы дают еще какое-то время оставаться в неведении, наслаждаясь тем чувством, что родилось в ее сердце, но так и не зажгло ответного отклика в душе героя: *В последних словах было такое женское нетерпение, что я невольно улыбнулся; к счастью, начинало смеркаться* (V, с. 285).

Подобные обороты, проявляющиеся в речи героя, отражают и оценку бытовых удачных моментов, например, обнаружение в темноте в незнакомой местности входа в саюку: *К счастью, в стороне блеснул тусклый свет и помог мне найти другое отверстие наподобие двери* (V, с. 190); сохранение вещей в процессе путешествий: *а чемодан с остальными вещами, к счастью для меня, остался цел* (V, с. 186). Соответственно, употребление этих, казалось бы, разговорных формул даже в бытовых ситуациях все равно соотносится с оценочностью, с разделением картины мира на две части – счастливую и несчастную.

Заключение

Образ счастья в художественном мире М. Ю. Лермонтова парадоксален. Представления о нем феноменально противоречивы. В одних историях представлены картины реального истинного земного счастья, даже показаны пути, которые могут привести человека к нему («Ашик-Кериб»), в других произведениях, напротив, показано, что если счастье и было, то только в прошлом, и то не в земной жизни людей. Герои М. Ю. Лермонтова страстно хотят постичь мир счастья,

открыть его для себя, познать и насладиться им, но чаще всего это так и остается лишь мечтой, мучительной и недосягаемой. Полнее всего лермонтовские размышления о трудном счастье человека представлены на страницах романа «Герой нашего времени», где показана страстная погоня за счастьем истинно несчастного человека.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК, проект № 20-512-23007 «Феноменология счастья в русской литературе XVIII–XX вв.».

Funding: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Russian Nuclear Research Institute, project No. 20-512-23007 "The Phenomenology of Happiness in Russian Literature of XVIII–XX Centuries".

Литература / References

1. Абрамзон Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века). *Libri Magistri*. 2015. № 1. С. 116–133.
Abramzon T. E. To the question of the Russian happiness (eighteenth-century poetry). *Libri Magistri*, 2015, (1): 116–133. (In Russ.)
2. Абрамзон Т. Е. Философия счастья в творчестве Н. М. Карамзина: в поисках истинного блаженства. *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2017. № 1. С. 319–336. <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2017-1-55-319-336>
Abramzon T. E. Eudomonistic ideas in Karamzin's works. *Problemy istorii, filologii, kultury*, 2017, (1): 319–336. (In Russ.) <https://doi.org/10.18503/1992-0431-2017-1-55-319-336>
3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
Vorkachev S. G. *Happiness as a linguistic concept*. Moscow: Gnozis, 2004, 236. (In Russ.)
4. Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты. *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2001. Т. 60. № 6. С. 47–58.
Vorkachev S. G. The concept of happiness: conceptual and figurative components. *Izvestiia RAN. Seriiia literatury i iazyka*, 2001, 60(6): 47–58. (In Russ.)
5. Воркачев С. Г. Концепт счастья: значимостная составляющая. *Язык, коммуникация и социальная среда*. Воронеж: Перемена, 2002. Вып. 2. С. 4–18.
Vorkachev S. G. The valeur constituent in the concept of happiness. *Language, communication and social environment*. Voronezh: Peremena, 2002, iss. 2, 4–18. (In Russ.)
6. Воркачев С. Г. К эволюции языкового менталитета: «Русское счастье». *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2012. № 2. С. 69–75.
Vorkachev S. G. To the evolution of language mentality: Russian happiness. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, (2): 69–75. (In Russ.)

7. Ибатуллина Г. М., Мишина Г. В., Радь Э. А., Старицына Ю. А. Фелицитарный метасюжет в русской литературе XIX века. *Современные исследования социальных проблем*. 2020. Т. 12. № 4. С. 91–115. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-4-91-115>
Ibatullina G. M., Mishina G. V., Rad E. A., Staritsina J. A. Felicitary meta-plot in the XIX century Russian literature. *Modern Studies of Social Issues*, 2020, 12, (4): 91–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2020-4-91-115>
8. Петров А. В. Феноменология «русского счастья» в трудах Т. Е. Абрамзон и магнитогорской филологической школы по изучению русской поэзии XVIII–XIX веков. *Libri Magistri*. 2020. № 3. С. 37–48.
Petrov A. V. Phenomenology of "Russian happiness" in the works of T. E. Abramzon and Magnitogorsk philological school of studying Russian poetry of the 18th–19th centuries. *Libri Magistri*, 2020, (3): 37–48. (In Russ.)
9. Рудакова С. В. «Крылатый счастья миг...»: феномен счастья в лирике К. Н. Батюшкова. *Libri Magistri*. 2021. № 1. С. 148–166. https://doi.org/10.52172/2587-6945_2021_15_1_148
Rudakova S. V. "The winged moment of happiness...": the phenomenon of happiness in K. N. Batiushkov's lyrics. *Libri Magistri*, 2021, (1): 148–166. (In Russ.) https://doi.org/10.52172/2587-6945_2021_15_1_148
10. Рудакова С. В., Ререци И. К вопросу изучения феномена счастья. *Libri Magistri*. 2020. № 3. С. 49–75.
Rudakova S. V., Regézi I. On studying the phenomenon of happiness. *Libri Magistri*, 2020, (3): 49–75. (In Russ.)
11. Цуркан В. В., Зайцева Т. Б. Концепт СЧАСТЬЕ в поэзии К. Бальмонта и В. Брюсова. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2020. Т. 13. № 10. С. 70–74. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.13>
Tsurkan V. V., Zaitseva T. B. Concept HAPPINESS in K. Balmont's and V. Bryusov's poetry. *Philology. Theory & Practice*, 2020, 13(10): 70–74. (In Russ.) <https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.10.13>
12. Цуркан В. В. Миф о счастье в русской литературе 1930-х гг. *Libri Magistri*. 2020. № 4. С. 119–127.
Tsurkan V. V. Russian literature of 1930s: the myth about happiness. *Libri Magistri*, 2020, (4): 119–127. (In Russ.)
13. Tsurkan V. V., Predeina S. A., Kolesnikova O. Yu. N. Gumilyov's lyrics: the concept of "happiness". *Libri Magistri*, 2021, (4): 138–148. https://doi.org/10.52172/2587-6945_2021_18_4_138
14. Сидоренко И. В. Антропология счастья. М.: МАКС Пресс, 2006. 297 с.
Sidorenko I. V. *Anthropology of happiness*. Moscow: MAKS Press, 2006, 297. (In Russ.)
15. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 368 с.
Tatarkevich V. *About human happiness and perfection*. Moscow: Progress, 1981, 368. (In Russ.)
16. Sumner L. W. *Welfare, happiness, and ethics*. N. Y.: Oxford University Press, 1996, 252.
17. Аргайл М. Психология счастья. 2-е изд. СПб.: Питер, 2003. 271 с.
Argyl M. *The psychology of happiness*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2003, 271. (In Russ.)
18. Nettle D. *Happiness: the science behind your smile*. N. Y.: Oxford University Press, 2005, 216.
19. Wierzbicka A. 'Happiness' in cross-linguistic & cross-cultural perspective. *Daedalus*, 2004, 133(2): 34–43. <https://doi.org/10.1162/001152604323049370>
20. Veenhoven R., Ehrhardt J. The cross-national pattern of happiness: test of predictions implied in three theories of happiness. *Social Indicators Research*, 1995, 34(1): 33–68. <https://doi.org/10.1007/BF01078967>
21. Юхнова И. С., Попович Т., Ямаджи А., Рудакова С. В., Леонова М. П., Петрищева Н. Ю., Канарская Е. И. Диалог и диалогичность. Н. Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. 177 с.
Yukhnova I. S., Popovich T., Yamaji A., Rudakova S. V., Leonova M. P., Petrishcheva N. Yu., Kanarskaya E. I. *Dialogue and dialogicity*. Nizhny Novgorod: Lobachevsky University, 2020, 177. (In Russ.)
22. Ломинадзе С. В. Поэтический мир Лермонтова. М.: Современник, 1985. 288 с.
Lominadze S. V. *The poetic world of Lermontov*. Moscow: Sovremennik, 1985, 288. (In Russ.)
23. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. 4. Статьи и рецензии: 1840–1841. М.: АН СССР, 1954. 675 с.
Belinskiy V. G. *The complete works collection*. Vol. 4. Articles and reviews: 1840–1841. Moscow: AS USSR, 1954, 675. (In Russ.)
24. Эйхенбаум Б. М. Литературная позиция Лермонтова. Эйхенбаум Б. *Статьи о Лермонтове*. М.-Л.: АН СССР, 1961. С. 40–124.
Eichenbaum B. Lermontov's literary position. *Articles about Lermontov*. Moscow-Leningrad: AS USSR, 1961, 40–124. (In Russ.)
25. Мережковский Д. С. М. Ю. Лермонтов. «Поэт сверхчеловечества». Мережковский Д. С. *В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет*. М.: Сов. писатель, 1991. С. 378–415.
Merezhkovskiy D. S. M. Yu. Lermontov. The poet of supermankind. In a silent whirlpool. *Articles and researches of different years*. Moscow: Sov. pisatel, 1991, 378–415. (In Russ.)

26. Соловьев В. С. Лермонтов. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. С. 379–399.
Solovyev V. S. Lermontov. *Art philosophy and literary criticism*. Moscow: Iskusstvo, 1991, 379–399. (In Russ.)
27. Белый А. О теургии. М. Ю. Лермонтов: *pro et contra*: личность и идейно-художественное наследие М. Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей, сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, Н. Ю. Данилова. СПб.: РХГА, 2002. С. 392–398.
Bely A. On theurgy. М. Yu. Lermontov: *pro et contra: Lermontov's personality and creativity in the assessment of Russian thinkers and researchers*, comps. Markovich V. M., Potapova G. E., Danilova N. Yu. St. Petersburg: RCHG, 2002, 392–398. (In Russ.)
28. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *Fundamentals of psychological anthropology. Human Psychology: An Introduction to the Psychology of Subjectivity*. Moscow: Shkola-Press, 1995. (In Russ.)
29. Есин А. Б. Литературоведение. Культурология. Избранные работы. М.: Флинта; Наука, 2002. 350 с.
Esin A. B. *Literary studies. Cultural studies. Selected works*. Moscow: Flinta; Nauka, 2002. (In Russ.)
30. Зайцева Т. Б. К вопросу «Лермонтов и Кьеркегор». *Libri Magistri*. 2015. № 1. С. 134–139.
Zaitseva T. B. To the Question – Lermontov and Kierkegaard. *Libri Magistri*, 2015, (1): 134–139. (In Russ.)
31. Мильдон В. Лермонтов и Кьеркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели. *Октябрь*. 2002. № 4. С. 177–186.
Mildon V. Lermontov and Kierkegaard: the phenomenon of Pechyurin: a Russian-Danish parallel. *Oktiabr*, 2002, (4): 177–186. (In Russ.)
32. Овчинников А. Г. «Дневник обольстителя» С. Кьеркегора и «Журнал Печорина» М. Ю. Лермонтова в контексте постромантизма. *Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии*, ред. О. В. Зырянов, Н. В. Пращерук, Е. К. Созина. Екатеринбург: УрГУ, 2011. Вып. 3. С. 111–129.
Ovchinnikov A. G. Kierkegaard's Diary of the Seducer and Lermontov's Pechyurin's Journal in the context of romanticism. *Romanticism vs realism: paradigms of artistry, authors' strategies*, eds. Zyryanov O. V., Prashcheruk N. V., Sozina E. K. Ekaterinburg: USU, 2011: 111–129. (In Russ.)
33. Тетенков Н. Б., Лашов В. В. Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексующего соблазнителя. *Философия и общество*. 2010. № 4. С. 90–100.
Tetenkov N. B., Lashov V. V. Kierkegaard and Lermontov: the Image of a Reflexive Seducer. *Filosofia i obshchestvo*, 2010, (4): 90–100. (In Russ.)